

Армия и военные реформы

В. Г. Тельминов

Военный закон Г. Гракха и магистратура военных трибунов.

Реформаторская деятельность братьев Гракхов, воздействие которой на общественно-политическую ситуацию в Риме II–I в. до н. э. трудно переоценить, составляет одну из самых важных страниц истории Римской Республики. Общепризнанной является значимость исторического наследия Гракхов для реконструкции политической культуры Рима как в современный им период, так и в последующие. В данной статье, посвященной социальному законодательству Гая Гракха, мы решили обратиться к военному закону Г. Гракха (*lex militaris*), который является важным, но малоизученным элементом в гракханском комплексе реформ.

О военном законе Г. Гракха, дважды народного трибуна Римской Республики, сохранилось очень мало упоминаний. В этих условиях мы решили обратиться к методу микроконтекстного анализа, так называемой «новой оптике». В качестве непосредственного предмета реконструкции выступили предположительно существовавшие статьи закона о выборности военных трибунов¹.

Метод «новой оптики (видения)» состоит в попытке наиболее точного и полного воссоздания смысла высказываний данного античного источника исходя из контекста, т. е., во-первых, из окружения этого слова в данном тексте, во-вторых, из языкового узуса самого автора, из которого можно узнать, в каком смысле он был склонен употреб-

---

¹ Первые результаты изучения нами этого закона изложены в статье «Военный закон Гая Гракха» (электронную версию статьи можно увидеть на сайте Института Истории СО РАН: <http://history.nsc.ru/publ/1/html/telminov.htm>)

лять то или иное слово, в-третьих, из установившейся в ту эпоху практики употребления этого слова в словосочетаниях, оборотах и т. д. Этот метод воспринят нами в том виде, в котором он представлен в трудах Т. Г. Мякина¹. Такой подход позволяет выдвигать вполне обоснованные гипотезы и отстаивать их со значительной доказательностью. Стоит заметить, что он является необходимым этапом критики любых античных источников, так как, только устанавливая микроконтекст, можно делать достоверные выводы о смысле текстов на древних языках².

Основной проблемой является отрывочность и малочисленность упоминаний о военном законе. Отправным пунктом в поиске возможностей реконструкции недостающих статей стало противоречие, зафиксированное в источниках, ссылающихся то на один, то на несколько «военных законов», а также гипотеза о восстановлении выборности военных трибунов (ниже об этом будет сказано подробнее). Цель работы состоит в том, чтобы с применением методов микроконтекстного анализа найти аргументы в поддержку гипотезы о присутствии в военном законе Г. Гракха статьи, восстанавливающей выборность военных трибунов. Все исследователи, занимавшиеся законодательством Г. Гракха, за исключением Д. Стоктона³, судили о значении этого закона лишь по тем его статьям, которые касались запрета рекрутировать юниоров и выдачи бесплатного обмундирования. Согласно же нашей гипотезе, данный закон был еще более важным элементом в реформаторской программе, чем принято считать, поскольку, помимо перечисленного, также регулировал статус магистратуры военных трибунов.

---

¹ *Мякин Т. Г.* Гракхи и народ (к идеологии гракханского движения) // Вест. Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, вып. 1: История. С. 9–23.).

² Некоторые авторы не считают эти языки мертвыми («этот Великий Язык, который, даже “мертвый”, почему-то оказывается “живее всех живых” в течение полутора тысячелетий» (*Белов А. М.* *Agg Grammatica*. Греко-Лат. Кабинет Ю. А. Шичалина. М., 2007), но факт остается фактом: интерпретация письменного языка без опоры на врожденное (или выученное) знание речевого узуса конкретной эпохи – это задача, решить которую можно только методом микроконтекстного анализа.

³ *Stockton D.* *The Gracchi*. Oxford, 1979.

Изначально трибуны назначались консулом, но уже с IV в. начинается демократическая борьба за выборность военного трибуната. Приведем здесь краткую характеристику должностных обязанностей военного трибуна. Понимание их сути важно нам в первую очередь для выяснения идеологического «потенциала» этой магистратуры, поскольку если какая-либо из магистратур была второразрядной, то ни «внутри» нее (с опорой на людей, состоящих в этой должности), ни по поводу нее (имея людей, облеченных этой магистратурой, в качестве целевой группы) не могло происходить каких бы то ни было серьезных политических столкновений, не могли возникать и далеко идущие политические проекты проведения каких-либо значимых реформ.

Заступая на должность с 1 января, военные трибуны служили в течение года¹. В легионе было 6 трибунов, но во время войны командование над всем легионом получал только один из них. Поэтому, по сути, эта должность не была коллегиальной, а значит, военный трибун сосредотачивал в своих руках довольно большую власть. Военные трибуны выполняли широкий круг обязанностей². Обратим внимание на то, что им приходилось часто общаться с солдатской массой, отвечать за хранение и распределение продовольствия, наказывать преступников, принимать жалобы и т. д., то есть обеспечивать в лагере исполнение самых необходимых, с точки зрения простых солдат, операций. Интересно также, что люди в этой должности заведовали ключами и караульной службой, а также были вхожи в палатку генералов. Кроме того, военные трибуны назначали центурионов³. Античными авторами они перечислялись всегда совместно с другими средними офицерами, то есть отдельно от высшего командования⁴. Тем самым, несмотря на их высокий статус первых офицеров легиона, подчеркивалась тесная связь с низовыми структурами войска. Итак, военные трибуны играли в армии важную роль

---

¹ *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities* (1890) (eds. William Smith, LLD, William Wayte, G. E. Marindin).

² D. 49.16.12.2. (см. также: *Berger A.* Encyclopedic dictionary of Roman law. Published by DIANE. Publishing, 1953. P. 743)

³ См. *Madvig J. N.* Die Befehlshaber und das avancement in dem Römischen Heere // *Kleine philologische Schriften* By Johan Nikolai Madvig. Published by Teubner, 1875. S. 480–560.

⁴ *Ibid.* S. 509.

благодаря их медиаторской функции между высшим командованием и армией и исключительной востребованности их «услуг» с точки зрения быта простых солдат.

Во время Второй Пунической войны публично-правовая роль этой магистратуры возрастает благодаря тому, что в 216 г. до н. э. (впервые за всю историю) военные трибуны привели воинов к присяге (*iusiurandum*); ранее воины просто клялись (*sacramentum*). В. Н. Токмаков указывает на необходимость четкого различия двух видов торжественных обязательств. Хотя они оба были обетом поклонения полководцу, *iusiurandum* было связано скорее с публично-правовыми нормами (*ius*), регулируя взаимные обязательства солдат и государства, вследствие чего и приносилось трибунам как государственным служащим. Второе же, более раннее (*sacramentum*), обрекало воинов на подчинение приказам данного конкретного военачальника¹, будучи клятвой преданности лично генералу.

Итак, мы полагаем, что введение клятвы нового образца (присяги, приносимой перед трибунами) способствовало усилению связи рассматриваемого института с публично-правовой сферой жизни общины, что, в свою очередь, сказалось на получении военными трибунами дополнительной легитимности.

Примерно в середине II в. до н. э. по неизвестным нам пока причинам в отношении магистратуры военных трибунов перестал действовать выборный принцип.

Переходя к реконструкции военного закона Г. Гракха, следует указать на одно противоречие в источниках, являющееся отправным для нашего дальнейшего рассуждения. Ряд античных авторов подчеркивает крайне популистскую направленность закона Г. Гракха²; известные нам статьи, однако, не позволяют согласиться с подобной характеристикой. Эта неоправданно строгая оценка целей и содержания военного закона древними авторами, а также использование ими формы множественного числа в упоминаниях о «военных законах» ставит перед нами задачу реконструкции неизвестных статей военного законодательства Г. Гракха.

---

¹ Токмаков В. Н. Армия и государство в Риме: от эпохи царей до Пунических войн: Учеб. пособие. М., 2007. С. 170–173.

² См., например: *Plut. Tiberius et Gaius Gracchus*. 26, 1, 5.

Д. Стоктон в книге «Гракхи» высказывает предположение, что Г. Гракх восстановил обычай избрания трибунов первых четырех легионов¹. Свою гипотезу он уверенно обосновывает, сравнивая свидетельства ряда источников².

Мы видим, что вопрос выборности военных трибунов сохранял свою остроту на протяжении довольно длительного времени, включая II в. до н. э. Г. Гракх не мог оставить без внимания эту актуальную и важную проблему в процессе реформ, ведь его программа преобразований была всеохватывающей: активизировав почти все направления традиционной римской политики или создав новые, он затронул почти все коренные проблемные пункты государственной жизни, применяя при этом стратегически все имеющиеся в распоряжении средства; в их числе, конечно же, реформируемые институты власти.

По сообщениям I в. до н. э., в которых отразились результаты развития этой магистратуры, можно в какой-то мере судить о содержании законодательства Гракха. Нами был рассмотрен ряд источников I в. до н. э., которые содержат в себе традицию о военных трибунах. Интерпретация этих сообщений была проведена нами методом микроконтекстного анализа.

Первый источник – сообщение Д. Кассия о событиях 53 г. до н. э. Мы обратили внимание на следующий отрывок, цитированный в статье В. В. Дементьевой: «... тогда в условиях беспорядков решили избрать хилярхов, которые некогда в прошлом избирались»³. В. В. Дементьева, автор статьи, полагала, что имеются в виду консулярные трибуны V–IV вв. до н. э. Однако некоторые соображения по поводу этого источника позволяют высказать альтернативную гипотезу. Во-первых, нам кажется необоснованным понимать под словом *χιλιάρχους*

---

¹ *Stockton. D. Op. cit. Oxford, 1979. P. 236.*

² Он приводит предложение вернуть прямые выборы трибунов из речи Г. Гракха (*in rogatione Cn. Marci Censorini*), сохраненной грамматиком Харизием, а также сравнивает свидетельства двух источников гракханского времени (*Bruns 9, lex Latina tabulae Bantinae, строка 15 и Bruns 10, строка 22*). *Ibid.*

³ «κατέθετο πάντες δὲ οἱ δήμαρχοι ἄλλας δὲ σκίψεις ἐμποδίου ἐσέφερον, καὶ χιλιάρχους ἀντὶ τῶν ὑπάτων, ὅπως πλείους ἄρχοντες ὡσπερ τότε ἀποδεκνύοντα καθίστασθαι ἐσῆγουντο» (*Дементьева В. В. Причины введения должности консулярных трибунов в римскую конституцию. IUS ANTIQUUM. Древнее право. М., 2000. № 1. (6). С. 93.*)

именно консулярный трибуна́т. Дело в том, что использованная Д. Кассием формулировка является достаточной, но не необходимой, чтобы видеть в ней указание именно на консулярных трибунов. Греческие авторы не различали два понятия (консулярного военного трибуна V–IV вв. и «обычного» военного трибуна)¹. Анализ употребления этого слова у самого Д. Кассия привел нас к сходным выводам². Что же позволяет нам предполагать с большой долей вероятности, что под «хилиархами» могли пониматься обычные военные трибуны?

Во-первых, особенность традиции о консулярных трибунах. Сам Д. Кассий, кроме указанного В. В. Дементьевой отрывка, не упоминает о консулярных трибунах. Сложно представить, что, говоря о таком давно забытом явлении (к тому же в контексте рассказа о совсем другой эпохе), Д. Кассий ограничился бы туманной формулировкой «ὥσπερ τότε αλοδεκνύωνται» (те, которые некогда были избраны) и не стал бы уточнять, какие именно «хилиархи» имелись в виду (консулярные, V–IV вв., или военные трибуны).

Сомнительна сама возможность обращения плебейских трибунов к этому архаичному институту твердой власти, в свое время, в IV в. до н. э., обеспечившему порядок; в 53 г. до н. э., вместо того чтобы попытаться справиться с волнениями, трибуны их разжигали (всю первую половину этого года именно они блокировали возможность избрания высшей ординарной магистратуры, что и вызвало тяжелый политический кризис).

О политическом облике этих плебейских трибунов мы узнаем из следующих строк: «επειδή τ' ουδείς αὐτῶν ἐλείσθη, δικτάτορα γούν τόν Πομπήιον λεχθήναι δεῖν εφασκον»³. Во-первых, они с большей вероятностью стали бы продвигать вариант военной демократии (выраженной в особой роли войсковых, а не консулярных военных трибунов, так, «как они некогда были учреждены», – возможно, при Гракхе?). В таком виде предложение было бы намного более актуальным и популярным в народе, а главное, больше бы соответствовало облику «буйных» трибу-

---

¹ См., например, у Полибия: «καί τοῦς χιλίарχοῦς καθίσταναι» – выбирать военных трибунов (Polyb, 6, 12).

² См., например: «καί τόν κατηγορήσαντα αὐτοῦ στρατιῶτην Ὀυαλέριον χιλίарχον ἀντ' αὐτοῦ ὁ Σεουήρορ ἀπεδείξεν». (Dio Cass, LXXV, 10, 2, 1).

³ Dio Cass. XL, 45, 5, 2.

нов 53 г. до н. э. Даже если формально имелись в виду полномочия военных консулярных трибунов образца V–IV вв. до н. э., то все равно на первый план выдвигалась бы военная коннотация этого политического термина (в соответствии с дальнейшими предложениями плебейских трибунов народу рекомендовалось избрание диктатора, т. е. трибуны были заинтересованы прежде всего в установлении военной экстраординарной власти). Поэтому традиция о консулярных трибунах вряд ли была главным источником их «вдохновения», так как в сообщениях о *tribuni consulare potestate* у античных авторов не заострена военнодиктаторская сущность магистратуры, а, наоборот, упор сделан на коллегиальность в целях более эффективного управления войсками (находящимися в разных местах государства).

Обратим внимание на то, что сразу же после рогации о замене консулов «хилиархами» поступило предложение об избрании Помпея диктатором. Если верна точка зрения В. В. Дементьевой, то приходится признать неправдоподобно резкий контраст рогации о комициальных выборах в коллегиальную магистратуру консулярных трибунов и предложения о назначении чрезвычайной военной единоличной власти. Вероятнее всего, плебейские трибуны с самого начала стремились подтолкнуть народ к избранию облеченных единоличной военной властью магистратов, с перспективой в дальнейшем построить трибунат в систему диктаторской власти. Другими словами, предполагалось учреждение института выборных военачальников, слабо зависимых от Сената и от остальных государственных органов, лично ответственных перед генералом (или диктатором). В таком случае два предложения не противоречат, а вполне дополняют друг друга.

К тому же плебейские трибуны должны были быть хорошо знакомы с римской плебейской идеологической традицией, заимствуя из нее доктрины и формы политического устройства и политической борьбы. В условиях возникновения угрозы военного и гражданского противостояния Помпея и Цезаря (53 г. до н. э.) они должны были делать ставку не на конституционные государственные структуры (в условиях гражданской войны они неэффективны и используются лишь в качестве лозунгов), а на лояльность войск.

У Цезаря мы находим сообщение о том, как вместе с известием о смерти Клодия он узнал об объявлении чрезвычайного воинского набора в Италии (видимо, после объявления

Сенатом известной формулы «чтобы республика ни в чем не понесла ущерба») ¹. Это было связано с подготовкой Помпеем войны против Цезаря. Справедливо ожидая в данном случае тенденциозную оценку произошедшего Цезарем, мы читаем в «Гражданской войне» о немотивированности помпейского закона, о том, что не было причин для его издания: ни антигосударственного восстания, ни захвата храмов и крепостей народом (автор упоминает здесь о Гракхах). Но, по сути, Цезарь ставит Помпею в вину нарушение достоинства плебейского трибуната ². Иначе говоря, по Цезарю, Помпей виноват не в том, что инициировал издание немотивированного закона (это вряд ли могло служить аргументом для кого бы то ни было, ведь Цезарь действительно представлял угрозу для Помпея), а в том, что нарушил право «вето» плебейского трибуна. В таком случае упоминание Гракхов и Сатурнина выглядит двусмысленным.

В «Галльской войне» Цезаря мы нашли необычную характеристику вышеупомянутого помпейского внеочередного воинского набора. Цезарь здесь говорит о сенатском указе о приведении к присяге всего италийского населения ³. Причем он употребляет выражение «ut...coniugent». В ходе анализа выяснилось, что для Цезаря данное словупотребление неестественно, и, следовательно, в данном случае мы имеем дело не с обычной практикой принесения войсками клятвы, а с каким-то другим событийным (и текстовым) контекстом.

Понятие войсковой присяги, по традиции приносимой после набора и перед началом военной кампании, описывалось следующими выражениями: *sacramentum dicere alicui* ⁴, *sacramento dicere* ⁵, *adigere sacramento aliquos*. Чаще всего с этим словом употребляется глагол *adigere*. Для самого Цезаря характерно употребление глаголов

---

¹ *Caes. De Bello Civile. I, 7, 3.*

² *Caes. De Bello Civile. I, 7, 3.*

³ «Ibi cognoscit de Clodii caede [de] senatusque consulto certior factus, ut omnes iuniores Italiae coniurarent, delectum tota provincia habere instituit.» (*Caes. De Bello Gallico. 7.1.*)

⁴ Tac. A. 1, 28. (*Charlton T. Lewis, Charles Short, A Latin Dictionary* (на сайте www.perseus.tufts.edu).

⁵ *Ливий Liv. 2, 24; 4, 53; 25, 5.*

«dicere»¹ и, если имелось в виду приведение к присяге, rogare², tenere³ и ряд других выражений⁴. Глагол, употребленный Цезарем в анализируемом отрывке, призван, как мы полагаем, подчеркнуть или незаконность этого набора, или же сомнительность обстоятельств, в которых он проводился. Дело в том, что глагол coniurare употреблялся в данную эпоху в значении заговора, незаконной (по природе своей будучи заговором) клятвы⁵. Причем это слово могло употребляться в том числе для обозначения клятвы с военными целями⁶.

У Цезаря встречаются сходные негативно коннотированные примеры с этим глаголом: contra populum с.⁷, также с причастиями от этого глагола⁸. Итак, при каких обстоятельствах произведенный набор мог стать незаконным, согласно сообщению Цезаря? Обычная клятва (sacramentum или iusiurandum) давалась следующим образом: каждый военный трибун собирал подчиненные ему войска и, выбрав одного из солдат, выслушивал от него клятвенное заверение в том, что тот будет подчиняться приказам генералов и исполнять их в точности. Все остальные по очереди подходили и подтверждали свое согласие с торжественно прочитанной первым солдатом клятвой

---

¹ «Dicere s. Cs» (*Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2008. С. 679*).

² «Quos consulis sacramento rogavisset» (*Caes, De Bello Gallico. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*).

³ sacramento aliquem tenere... sacramento tenere: *Caes. B. C. 2*.

⁴ «Ad signa convenire et ad se proficisci iuberet». (*Ibid.*).

⁵ См. у Ливия: (*Ливий IX 27, 1*): «Earum fama rerum, magis tamen spes Campanae defectionis, in quam coniuratum erat», («что и было целью заговора»). Еще: (*Ливий VII 42, 3, 3*): «Aliis annalibus proditum est neque dictatorem Valerium dictum sed per consules omnem rem actam neque antequam Romam veniretur sed Romae eam multitudinem coniuratorum ad arma consternatam esse», («толпы заговорщиков»). У других авторов в негативном значении встречается, например, в (*Quint. 4, 2, 72*): contra rem publicam, Cic. *Sull. 25, 70 de interficiendo Cn. Pompeio*, Cic. *Mil. 24, 65* : haec (tectae) incendere, Liv. *27, 3, 4* : ut urbem incenderent, id. *4, 45, 1* : ut quaestio de iis habeatur, qui coierint conjurarintve, quo stuprum flagitiumve inferretur, id. *39, 14, 8. (Ibid.)*.

⁶ (В значении клятвы войск, но в негативном смысле например: «agmina conjurata» (*Ov. M. 5, 150*). *Ibid.*

⁷ *Caes. B. G. 2, 3. (Charlton T. Lewis, An Elementary Latin Dictionary. В статье con-iūrō āvī, ātus, āre)*

⁸ conjūrāti, ōrum, m., conspirators. (*Caes. 17; 80; 82*). (*Ibid.*)

словами *idem in me*. До 216 г. до н. э. клятва преимущественно называлась *sacramentum*, и к ней применялся глагол *coniurare*, но после реформы 216 г. она стала именоваться *iusiurandum*. *Coniuratio*, однако, продолжала существовать и находила применение в случае внезапных беспорядков, когда не было времени принимать клятву у каждого солдата индивидуально, и войска клялись одновременно, в один голос¹. Именно клятва придавала войскам законный статус². Определяющее значение для нашего рассуждения имеет тот факт, что нарушение традиционного способа клятвы означало бы в глазах Цезаря (да и любого другого римлянина) нарушение правильного хода обряда придания войскам легитимности. В таком случае он по праву бы отнесся к подобным войскам как к простому сборищу вооруженных людей, разбойничьей шайке³.

Какие же тогда нарушения могли произойти в ходе набора войск Помпеем? Поскольку процедура приведения к присяге была непосредственно связана с военными трибунами, то, как мы полагаем, нарушения затрагивали в первую очередь их «обрядовую» функцию. Возможно, была изменена формула клятвы, чтобы сильнее мотивировать солдат на войну с Цезарем.

Согласно нашей гипотезе, в I в. до н. э. продолжала существовать традиция, вероятно, берущая начало со времени гракханской военной реформы, заключающаяся в признании за военным трибунатом определенного политического «потенциала», сохранявшегося даже после реформ рубежа II–I вв. до н. э. (содержание которых также устанавливается только гипотетически). Этот потенциал магистратуры раскрылся в конкретных действиях и высказываниях политических противников середины I в. до н. э. В частности, военный трибунал упоминал-

---

¹ Caes. 17; 80; 82. В случае, описанном Цезарем, вряд ли могла иметь место спешка с принесением клятвы, да и Цезарь не стал бы заострять на этом внимание, так как и обычный, и быстрый способы принесения клятвы были легитимными. Выражение *coniurare* у Цезаря имеет слишком негативно коннотированное значение, для того чтобы быть простым уточнением особенностей процедуры.

² См.: *Токмаков В. Н.* Армия и государство в Риме. Также: *Charlton T. Lewis*, *An Elementary Latin Dictionary*.

³ Принесение *sacramentum* придавала войску законный статус; теперь солдат мог использовать силу оружия против врагов, являясь «правильным», в отличие от разбойника или повстанца. См.: *Liv.* VIII. 34. См. также: *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities* (1890).

ся в контексте инициатив и предложений плебейских трибунов 53 г. до н. э., а также фигурировал в политической практике Помпея.

То, что идеология гракханского законодательства была по целому ряду пунктов традиционалистской (по крайней мере по своей форме), признается многими исследователями¹ (несмотря на, возможно, «революционные» замыслы, только так, под знаменем «консерватизма», можно было расшевелить консервативную римскую политико-правовую систему). В отношении военного закона эта особенность проявилась весьма заметно: Гракх пытался вернуть армии традиционное крестьянское «лицо», законодательно обеспечив мелким собственникам, служившим в армии, минимум содержания (за счет сохранения жалования в полном объеме, без вычета стоимости снаряжения); реформатор также восстановил традиционный 17-летний призывной барьер².

В таком случае возвращение принципа выборности магистратуре военных трибунов выглядит вполне традиционалистской акцией.

Но, как и во всех остальных аналогичных случаях традиционалистской формы, содержание и смысл не вполне укладывались в привычные рамки, так как Гракх стремился добиться чего-то большего. Поисками и размышлениями над этой общей целью заняты историки гракханского движения, и наличие таковой чаще всего не ставится ими под сомнение.

Какой же тогда могла быть эта общая стратегическая цель, если рассмотреть реформы Гракха в перспективе военного закона?

Теперь ясно, что, хотя на братьев Гракхов и оказала влияние греческая политическая наука, ее доктрины и идеи, они были склонны в большей степени руководствоваться исконной римской политической традицией³.

Соответственно в ходе крупномасштабных реформ меньше внимания уделялось следованию абстрактным политиче-

---

¹ См., например, *Corradi G. Gaio Gracco e le sue leggi // Studi italiani di filologia classica. Vol. V. Firenze, 1927; Stocton D. The Gracchi. Oxford, 1979.*

² «Гракх запретил набирать солдат младше ТРАДИЦИОННОГО выделено нами – В. Т.) возраста 17 лет». (*Ibid.* P. 112).

³ См., например: *Мякин Т. Г. Гракхи и народ (к идеологии гракханского движения).*

ским принципам. Самоцелью становилось неотложное решение острейших задач, стоящих перед римским государством. По нашему мнению, одной из таких была проблема военной безопасности Рима. Решить эту проблему можно было только путем реформирования армии и ее непосредственной базы – мелких собственников и держателей земли. Из-за восстаний рабов и тяжелой для Рима войны с Нуманцией появилась необходимость срочного вмешательства в состояние военных сил республики. Сам реформатор был знаком с армией не понаслышке, прослужив в ней во время войны.

Иногда при анализе законодательства Г. Гракха исследователи склонны переносить центр тяжести на аграрный закон, считая его самоцелью гракханского движения¹. Тем не менее правомерна следующая гипотеза: целью военного законодательства было усиление армии, а не подавление бедности *per se*. Одной из главных, возможно, даже главной, целью аграрного законодательства² тоже было усиление боеспособности армии, опирающейся на римское крестьянство. Однако мера наделения крестьян участками земли из общественного поля выглядела настолько революционной, что привлекла основное внимание античных авторов. Сначала Т. Гракхом был предложен самый радикальный вариант решения проблемы (аграрный закон), но когда этот закон уже фактически был на грани провала, брат и единомышленник Тиберия Г. Гракх начал искать новые пути прочного, уверенного и долгосрочного улучшения состояния армии, увеличения ее численности и морально-психологических качеств (обеспечение земель колонистов, предоставление гражданских прав союзникам и, наконец, военный закон).

Другой важной компонентой военного законодательства было, как мы полагаем, придание военному трибунату новой

---

¹ Существует и критика такого подхода: например, Макей пишет, что главная проблема в том, что Тиберий Гракх хотел найти достаточно держателей земли, чтобы пополнить армию... ошибкой будет видеть помощь бедным как самоцель для Гракхов, это тенденциозный взгляд, под воздействием политических представлений Греческого мира. См.: *Christopher S. Mackay. Ancient Rome. P. 107.*

² Знаменитая речь Тиберия Гракха о солдатских лишениях и отсутствии должного вознаграждения говорит о важности этого пункта в аргументации Тиберием причин введения новых законов.

демократической роли. Свои предположения по этому поводу мы основываем на том, что вполне традиционная мера восстановления выборности военных трибунов вызвала столько жесткий отзыв в источниках (цитируемых выше). Значит, этой магистратуре было сообщено какое-то новое, особенное значение. В качестве гипотезы можно выдвинуть версию о том, что Г. Гракх стремился усилить связь солдат с трибуном, включив в военный закон элемент идеологии военной демократии, импонирующий бедным солдатам и в перспективе предоставляющий именно плебейским трибунам (в том числе. Гракху) возможность оказывать мощное влияние на все общество через военную структуру, используя ее, в качестве простого силового инструмента.